

Татьяна Пархалина, ИНИОН РАН. Я никогда не думала в начале 90-х годов, когда рухнул Союз и советский блок, что так быстро, менее чем через тридцать лет, мы снова вернемся в состояние новой холодной войны, которую, конечно, нельзя сравнить с предыдущей – эпохи биполярной конфронтации. Она иная, но тем не менее.

И я с вашего позволения буду говорить сейчас о том кризисе, который мы наблюдаем в отношениях России и Запада. Многие в России говорят о том, что нам необходимо существовать в условиях перманентной конфронтации с Западом – и это очень опасно. В отличие от Михаила Сергеевича Горбачева, который говорил о том, что необходимо выходить из парадигмы конфронтации, сейчас очень многие считают, что необходимо оставаться в парадигме конфронтации, поскольку это якобы дает России возможность отстаивать суверенитет в рамках внешней и внутренней политики.

Почему не получилось то, что закладывал Горбачев и, может быть, даже какие-то западные лидеры в тот момент, когда речь шла об окончании той холодной войны, которую все считают первой (на самом деле это – вторая холодная война), а первая – это 20-е годы XX столетия...) Нынешний кризис многие называют третьей холодной войной. Я считаю, что это – облегченная холодная война так сказать «Cold War light». Вижу четыре характеристики, которые говорят о том, что это холодная война. Мы и Запад находимся в парадигме взаимного сдерживания: военные учения, наращивание вооружений. Мы находимся в состоянии экономических войн: санкции, контрсанкции. Место идеологической конфронтации заняла ценностная конфронтация, которая может быть еще серьезнее и опаснее. И, наконец, наблюдается конфронтация в третьих регионах: это Ближний Восток и Юго-восток Украины, причем конфронтация там доходит иногда до реальной, горячей.

Вместе с тем не будем забывать, что в период после развала Советского Союза Россия устами трех президентов – Ельцина, Путина и Медведева – провозгласила себя европейской державой и заявила о своем стремлении войти

в семью демократических стран Евро-Атлантики, иными словами, интегрироваться в коллективный запад.

Почему же не получилось?. Как элита, так и население испытали шок и даже обиду от того, что представители Запада объяснили им, что необходимо выполнить какое-то домашнее задание: а именно построить демократические институты, гражданское общество, реализовать гражданский и демократический контроль над армией и спецслужбами. И, наконец, что крайне важно, создать независимый суд, и, обеспечить верховенство закона.

На самом деле, это было в наших интересах. Но и среди населения, и среди элит бытовало мнение, что поскольку мы сами сокрушили коммунизм, при объединении Германии Горбачев не послал танки в Восточную Европу и т.д., провозгласил новое мышление, мы заслуживаем того, чтобы нас без предварительных условий приняли в коллективный Запад.

В Евро-Атлантике в то время полагали, что игра сыграна, противник повержен, и рано или поздно Россия (и она говорила это сама устами своих лидеров) станет членом коллективного Запада на его условиях. При этом, к сожалению, не учитывались такие факторы, как иной тип стратегической и политической культуры, сформировавшейся под влиянием исторического прошлого, устойчивость стереотипов «советской империи», фактор стратегической независимости России (существенный ядерный потенциал). И, наконец, синдром потери империи, который у всех без исключения бывших империй проходил очень болезненно. Однажды в Лиссабоне разговаривала с одним португальским историком и спросила: сколько лет понадобилось им, португальцам, для того, чтобы избавиться от синдрома великой державы, какой они были в определенный исторический период вместе с Испанией? И он мне спокойно ответил: двести лет. У нас 200 лет еще не прошло.

С середины 90-х годов под влиянием, прежде всего, внутривнутриполитического, но и внешнего развития в стране стали поднимать голову национал-консервативные силы, которые впоследствии стали оказывать

корректирующее воздействие на формирование внешнеполитического курса. Такие события на внешней сцене, как военно-воздушная операция НАТО против режима Милошевича, отделение и признание Косово, Иракский кризис, а далее – Ливия, Сирия, Украина способствовали тому, что Россия взяла на себя роль противовеса западному миру, в поддержку так сказать мира многополярного.

Водоразделом можно считать 2005–2006 годы, когда изменилась мировая экономическая конъюнктура и галопирующий рост цен на нефть и газ создали у политических элит в России впечатление, что они должны скорректировать свою политическую роль на мировой сцене с якобы новой экономической мощью. Это не было экономической мощью, но РФ расплатились с Лондонским и Парижским Клубами, и возникла иллюзия, что экономика развивается.

Именно с этого момента во всех концептуальных документах, касающихся российской внешней политики, мы можем найти разделы, указывающие на то, что Россия не намерена играть по правилам игры, разработанным другими мировыми игроками, а будет стремиться к участию на равных (это везде подчеркивается) в разработке международной повестки дня.

Демонстративным моментом при оформлении этой тенденции стала Мюнхенская речь В. Путина в 2007 году. Очень сложным для отношений России с Западом стал 2008 год. Это – год Бухарестского саммита НАТО, когда в ответ на формулу, согласно которой «рано или поздно Украина и Грузия станут членами Альянса», Россия устами министра иностранных дел Сергея Лаврова заявила, что использует все средства, чтобы не допустить участия этих стран в так называемом Плане действий по членству в НАТО (ПДЧ).

Почему-то на Западе немногие обратили на это внимание. Когда я в то время разговаривала с послами стран Евросоюза и НАТО здесь, в Москве, мне говорили: не надо обращать на это особого внимания, поскольку Россия уже

интегрирована во многие структуры. Это, по сути, была неправильная оценка существующего положения.

Кавказская война 2008 года очень ясно показала, что Россия не шутит и действительно использует все силы и средства.

Кавказский конфликт привел к серьезному кризису в отношениях России и Запада, к замораживанию отношений по линии Россия–НАТО, к тяжелым переговорам России и Евросоюза. Однако тот кризис был достаточно быстро преодолен в связи с тем, что через три–четыре недели после него разразился глобальный финансово-экономический кризис. И обе стороны пришли к осознанию, что находятся в одной лодке и не могут себе позволить ее раскачивать.

При президенте Медведеве Россия предприняла последнюю попытку интегрироваться в коллективный Запад через так называемую «перезагрузку отношений с НАТО». На Лиссабонском саммите РФ–НАТО (ноябрь 2010 г.) был принят ряд очень важных документов о стратегическом партнерстве, часть из них носила закрытый характер. К величайшему сожалению к моменту саммита речь уже не шла о создании совместной системы ПРО, а страны Балтии и Польша дали согласие на перезагрузку лишь в обмен на планы по их дополнительной защите от действий России.

В настоящий момент Россия находится в состоянии тяжелейшего, самого острого кризиса в отношениях с Западом. Я не думала, честно говоря, что доживу до подобного, но дожила. Это не только самый серьезный кризис с момента окончания холодной войны, но с момента Берлинского кризиса 1961 г., когда были возможны любые, самые жесткие варианты развития событий. Кубинский кризис, напротив, привел к тому, что начали разрабатываться правила игры.

В заключение хотелось бы сказать о тех шагах, которые, как мне кажется, можно было бы предпринять, чтобы начать выходить из кризиса. Мне представляется, что первоочередной задачей является приостановка

начавшейся гонки вооружений и наращивания военных потенциалов. Необходима разработка совместных подходов разблокировки конфликта на Юго-востоке Украины. Необходимы, как мне кажется, совместные проекты с Евросоюзом по восстановлению Донбасса.

Это все возможно при наличии политической воли. Хочу обратить внимание, что сейчас хотя бы на экспертном уровне необходимо готовить основы для новой разрядки.